

Валерий Ковалев

П'ЕРРА И НК ОТНИТ'А

(КНИГА 3)

18+

Валерий Ковалев

Терра инкогнита. Книга 3

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Ковалев В. Н.

Терра инкогнита. Книга 3 / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат»,
2000

Служба в прокуратуре Союза СССР и Генеральной прокуратуре Российской
Федерации. На переломе эпох. Люди, дела, встречи.

Валерий Ковалев

Терра инкогнита. Книга 3

«Прокуратура – око Государево».

Петр Первый.

Глава 1. Был месяц май

В Ворошиловград прилетаю утром в довольно минорном настроении, но беру себя в руки, не желая расстраивать встречающего меня отца. С него довольно письма о моем увольнении со службы.

Из аэропорта мы уезжаем на «Волге» Василь Палыча Лисова, старинного отцовского приятеля-фронтовика и нашего соседа. Судя по поведению, ему тоже все известно лишних вопросов Василь Палыч не задает. Отец же вообще отличается не многословием, что сейчас весьма кстати. Короче, встреча не радостная. Садимся в машину и едем домой.

В салоне слышится только ровный гул мотора и тихая музыка, льющаяся из радиоприемника.

А весна кругом в самом разгаре. Лежащая по обе стороны от автострады степь, расцвечена россыпями полевых маков и перемежается зеленеющими в долинах балками. На горизонте, подобно египетским пирамидам, в прозрачном мареве синеют шахтные терриконы, а над всем этим великолепием властвует бездонное голубое небо, с трепещущим в нем жаворонком. Льющем на землю свою песню.

Скопившееся за последние месяцы напряжение куда-то исчезает, настроение улучшается, и я вдруг понимаю, мое «автономное плавание» не закончилось, оно продолжается.

Отличие от отца, Таня, мама и сестра встречают меня более эмоционально – со слезами, и сразу же ведут показывать дочурку.

Она крохотная, с кукольными ручками и карими глазами.

– Ну, здравствуй, доча, – протягиваю ей палец. Малышка цепко хватается за него и радостно визжит.

– Узнала отца, – смеются окружающие, а я осторожно беру в руки маленькое тельце. Ребенок почти невесом, но неожиданно крепок. Он удивленно таращит на меня глаза и что-то довольно агукает.

– Разговаривает с тобой, – улыбается Таня.

Затем мы с отцом умываемся с дороги, все вместе усаживаемся за накрытый во дворе под цветущей дедовской яблоней стол и завтракаем. После бессонной ночи неодолимо тянет в сон, и меня отправляют спать. Подушка со свежими простынями пахнут барвинком, как в детстве, и что-то навевают.

Вечером нас навещает принаряженная родня, а когда в небе зажигаются первые звезды и она уходит, мы с отцом уединяемся в летней кухне и я рассказываю ему обо всем, что произошло.

Отец невозмутимо курит и внимательно слушает.

– Что думаешь делать дальше? – гасит он в пепельнице сигарету, когда я заканчиваю.

– Продолжу службу в органах здесь, на родине.

– Я бы на твоём месте устроился в прокуратуру. Образование ведь позволяет?

– Вполне.

– Я, кстати, по этому поводу уже кое – с кем говорил.

– И с кем же?

– Он называет фамилию первого секретаря горкома партии Малика.

Этого человека я немного знаю. В свое время он был парторгом нашего шахтоуправления, а потом ушел на повышение в областной комитет партии.

– Так что, пару дней отдохни, а потом его навестим (продолжает батя). И чтоб был непременно в форме. Носить ведь ее тебе не возбраняется?

– Не возбраняется, – улыбаюсь я, и мы идем спать в хату.

В палисаднике трещат первые цикады, в воздухе запахи ночной фиалки.

Через неделю едем в горком к Малику, который довольно радушно принимает нас в своем обширном, с коврами и дубовыми панелями, кабинете. После взаимных приветствий он усаживает посетителей за приставной стол (сам располагается напротив) и я вкратце рассказываю о себе. Выслушав, задает несколько вопросов, с минуту молчит, а затем говорит, нам в прокуратуре такие люди нужны. Чекисты, вооруженный отряд партии.

После чего снимает трубку одного из стоящих на столе телефонов и набирает номер.

– Александр Семенович? Здорово, как дела? Работы полно? У меня не меньше. Ты отвлекись немного, сейчас к тебе подойдет бывший работник КГБ по поводу дальнейшей службы, постарайся ему помочь. О результатах доложи.

Через полчаса, следуя по ухоженному центру вверх (на Луганщине все города -такие) подхожу к зданию прокуратуры, расположенному рядом с горотделом милиции. Из пустого гулкового фойе поднимаюсь на второй этаж и открываю дверь в приемную, где пожилая женщина-секретарь в завивке, бойко стучит на пишущей машинке.

– Вы из горкома? (отрывается от работы), проходите. Александр Семенович на месте.

Захожу в кабинет с портретом Брежнева в маршальской форме на стене и тремя широкими окнами, представляюсь.

Прокурор выглядит довольно внушительно. Он высокого роста и плотного сложения, с породистым крупным лицом и обширной лысиной, опушенной седым венчиком.

– Присаживайтесь, лейтенант, – указывает на стоящий у приставного стола стул. – Какими судьбами к нам?

Я снова рассказываю свою историю. Он внимательно слушает, откинувшись в кресле.

– В контрразведке специализировались как оперативник? (задает вопрос).

– Именно

– Стаж работы?

– В календарном исчислении, три года

– Насколько понимаю, намерены продолжить службу в органах прокуратуры?

– По мере возможности.

– У меня, к сожалению, сейчас свободных мест нет, – вздыхает прокурор. – Но почему бы вам не продолжить службу в милиции, а затем, если будет желание, можно перевестись к нам. В ГОВД, как раз нужен следователь. Прямо сейчас могу организовать встречу с начальником. Идет?

Столь быстрого развития событий я не ожидал, но согласно киваю.

Вслед за этим Скребенков (так фамилия прокурора) звонит по телефону начальнику следственного отдела, который, судя по разговору, женщина и рекомендует принять меня для решения вопроса по существу. Та не возражает. Благодарю Александра Семеновича за содействие и направляюсь в милицию, которая в соседнем здании.

Начальник следственного отдела оказывается миловидной брюнеткой в звании капитана. Кроме нее в кабинете находится рослый светловолосый парень, примерно моих лет, просматривающий какие – то материалы, и делающий из них выписки.

Женщина – капитан сразу же засыпает меня целым ворохом вопросов, касающихся прошлой службы, а после заявляет, что готова принять меня на службу в качестве старшего следо-

вателя. Прошу сутки на раздумье и получаю согласие, после чего простившись с капитаншей, выхожу из кабинета.

Вслед за мной появляется светловолосый, который останавливает меня в коридоре.

– Не очень спешите?

– Нет.

– Я заместитель прокурора города Валентин Исаев, хотел бы с вами поговорить.

– Нет вопросов.

– Тогда пойдемте к нам.

Мы выходим из прохладного коридора на яркий свет, спускаемся с высокого крыльца вниз и следуем по назначению.

Как и у прокурора, кабинет заместителя на втором этаже, но в другом крыле здания.

– Закурим? – предлагает мне Исаев сигарету, когда мы присаживаемся за заваленный бумагами стол.

– Не возражаю, – отвечаю я, и в свою очередь протягиваю ему раскрытую пачку «Казбека».

– Сталинские? – смеется хозяин кабинета, беря одну папиросу и щелкает зажигалкой. Некоторое время молча дымим, разглядывая друг друга.

– Я слышал ваш разговор с начальницей, – прерывает молчание Валентин. – А почему не хотите пойти на службу к нам?

– Я был у Александра Семеновича, у вас нет свободной вакансии (выдуваю вверх струйку дыма).

– У нас да, зато есть в других местах, или вам нужно непременно в Брянке?

– Да нет, можно и в другом городе или районе, но желательно в пределах области.

– Первомайск подойдет? (щурится от дыма собеседник). Там сильный и авторитетный прокурор, у него недавно уволился помощник.

В памяти тут же всплыла хранящаяся там информация: на последней боевой службе в Саргассовом море, при всплытии на спутниковый сеанс связи, радиоразведка нашего ракетносца, перехватила сообщение Би-би-си о взрыве в Советском Союзе шахты «Горская» в городе Первомайске Ворошиловградской области. Унесшем жизни шестидесяти шести горняков.

И вот теперь судьба привела меня в этот город. Что это? Случайность?

Помимо той информации, я знаю, что Первомайск значительно крупнее Брянки, но сам там раньше не бывал. Как-то не доводилось

– А это далеко отсюда? (интересуюсь у Исаева).

– В сторону Северского Донца, километров двадцать.

– По меркам Заполярья пешком можно дойти, – говорю я. – Считаю, совсем рядом.

– Так я звоню? – вопрошает Валентин, после чего снимает трубку и набирает межгород.

– Виктор Петрович? Привет, Исаев. У вас вакансия помощника по общему надзору еще свободна? Отлично. У меня сидит человек, думаю, вам подойдет. С опытом работы в госбезопасности. Закончил Высшую школу КГБ в Москве. Сам местный, из Брянки.

– Сможешь завтра к десяти? (прикрывает ладонью трубку).

– Я утвердительно киваю.

– Завтра в это время будет у вас. Всего хорошего. Николаю Ивановичу привет, – опускает Исаев на рычаг трубку.

– Кстати, предлагаю перейти на «ты».

Я не возражаю.

– Значит, с утра поезжай к Веденееву, – закуривает Валентин очередную папиросу, а там будет видно. Если не получится, я позвоню кадровикам в область. А с милицией не спеши. Не тот уровень.

Затем объясняет, как доехать в Первомайск, после чего пожав друг другу руки, мы расстаемся.

Вернувшись, на Луговую домой, рассказываю о результатах отцу, тот их одобряет.

Добраться до Первомайска оказывается значительно проще, чем я предполагал и в девять утра следующего дня я схожу с рейсового «ЛАЗа» на местном автовокзале.

С первого же взгляда город мне, как у нас говорят «глянулся».

Он раскинулся на живописных пологих холмах, омываемых текущей в долине Луганью, с разбросанными по заливным лугам тут и там, плакучими ивами. Старая часть города, с добротными, окруженными садами домами, опускалась к реке, над которой высился арочный мост, новая радовала глаз современными высотками, с ухоженными дворами.

В качестве неперемennого атрибута старого Донбасса, на дальних его окраинах и у горизонта, синели несколько шахтных терриконов.

Как и в прошлый раз, по настоянию отца я облачился в офицерскую форму с золотыми шевронами на рукавах тужурки и щегольскую мичманку с шитым крабом, чем сразу же привлек внимание местных аборигенов.

У одного из них, старика в соломенном брыле*, торгующего парниковыми огурцами, спрашиваю, как проехать в прокуратуру.

– А чего туды ихать? – удивляется дед, – вона тут нэподаляку, ось крокуй в тому напрямку (показывает рукой в сторону идущей вдоль автовокзала улицы).

– Широ дякую, – отвечаю по украински, и следую в заданном направлении. Улица носит имя неизвестного мне Макушкина, обсажена пирамидальными тополями и застроена аккуратными двухэтажными коттеджами.

Метров через шестьсот, у белого здания клуба с высоким портиком и афишами на тумбе, она сворачивает влево, и я оказываюсь перед двухэтажным современным особняком с высоким крыльцом и большими окнами, на стене которого, под навесом с металлическими опорами, блестит под стеклом черная табличка «Прокуратура города Первомайска».

Перед особняком, за вычурной металлической оградой, на зеленом газоне, две высокие плакучие ивы по бокам высокого крыльца, клумба с красными и желтыми тюльпанами и несколько молодых каштанов. За ним – бетонный гараж на два бокса, к которому ведет асфальтированная дорожка.

– М-да, – говорю сам себе. – Не учреждение, а картинка

Поднимаюсь по бетонным ступеням, открываю тяжелую двухстворчатую дверь и попадаю в просторный вестибюль, с черно-белым, из гранитных плиток полом и стоящими у боковых стен театральными креслами.

Он пересекается светлым высоким коридором, вдоль которого тянутся несколько обитых черным дерматином дверей. На трех из них привинчены латунные таблички «Старший следователь», на четвертой «Помощник прокурора».

Напротив входа, в противоположной стене вестибюля, еще одна открытая дверь, через которую виден черный ход и спуск в подвальный этаж.

Планировка и отделка здания впечатляют, и я поднимаюсь на второй этаж, откуда слышится хриплый бас, распекающий какого-то Василия Петровича.

Там тоже, аналогичный нижнему коридор, а в крайнем к лестничному маршу кабинете с открытой дверью, сидящий за столом крупный седой мужчина в прокурорском мундире с двумя большими звездами на петлицах и орденскими планками на кителе, общается с этим самым Петровичем по телефону.

К моему появлению, их разговор, судя по всему, достигает апогея – прокурор (а это по видимому он), грозно рычит, – и если на тебя поступит еще хоть одна жалоба, считай, ты не нотариус! Будешь волам хвосты крутить! – бросает на рычаг трубку.

– Здравия желаю, – возникаю я в дверном проеме. – Вы прокурор?

– Нет, помощник прокурора, – заинтересованно разглядывая меня, рокошет ветеран, – а вам нужен именно он?

– Точно так, мне назначено к десяти.

– Кабинет прокурора слева по коридору, да ты не торопись лейтенант, у тебя еще целых десять минут, присядь пока. Ты с какого флота?

– С Северного, – отвечаю, войдя внутрь и присев на одни из стульев у стены.

– Плавсостав? – кивает помощник на мои шевроны.

– Вроде того.

– У меня сын тоже моряк, штурман. В Клайпедском пароходстве. Может слышал?

– Доводилось.

– Слушай, лейтенант, дай мне на пару минут твою фуражку, а сам посиди пока здесь, – внезапно оживляется собеседник.

Я снимаю мичманку с дубовыми листьями на козырьке и отдаю ему, недоумевая, для чего она понадобилась.

Помощник водружает ее на голову и, лукаво подмигнув мне, исчезает. Через несколько минут возвращается в сопровождении коренастого мужчины средних лет, в таком же мундире. В зубах у того дымится папироса и шурясь, он протягивает мне руку.

– Будем знакомы, заместитель прокурора Кружилин Николай Иванович. Вы от Исаева?

– От него.

– Пойдемте со мной, Виктор Петрович на месте. Илья Савельевич, отдайте лейтенанту фуражку, – улыбаясь, обращается к ветерану.

– Эх, Николай Иванович, не дал поговорить с парнем, – сокрушается тот. – Держи, (возвращает мне мичманку).

Вслед за Кружилиным следую в конец коридора и мы вместе заходим приемную. Там, в окружении многочисленных цветов в кадках и нескольких шкафов с папками, скучает очень большая и колоритная девушка, листающая «Огонек».

– Наташа, шеф один? – интересуется Николай Иванович.

– Эгэ ж, – певуче отвечает красавица, уставившись на меня цыганскими очами.

– Пошли, – приглашает заместитель, и мы входим в кабинет.

Тот побольше, чем у нашего адмирала в Заполярье и тоже впечатляет.

Слева – три громадных окна, с бархатными шторами, затененные ветвями ивы, под ними длинный полированный стол, с двумя рядами мягких стульев. С той же стороны, в углу, приоткрытая дверь второго помещения, где виднеется несгораемый сейф и еще что-то.

На противоположной входу стене, в золоченой раме висит картина «Ходоки у Ленина», а под ней (я выпучиваю глаза), за двух тумбовым столом, сидит и что-то пишет вылитый второй! Только в светлом костюме с галстуком, без бороды и моложе.

– Бывает же такое, – мелькает в голове и хочется сказать, «здравствуйте, товарищ Ленин».

Теперь хочу сделать небольшое отступление: как я узнал позже, партийно-хозяйственный актив города и коллеги в области, за глаза называл прокурора «маленький Ленин». А когда он уходил в отпуск, то отпускал усы с бородкой, чем достигал потрясающего сходства. Речь была тоже весьма похожей – грассирующей и звонкой.

Кроме того, я в некотором роде физиономист, что не раз помогало в оперативной, а затем прокурорско-следственной работе и в дальнейшем буду применять внешние сравнения для наглядности, в описании еще ряда лиц, с которыми приходилось общаться.

– Виктор Петрович, – между тем говорит Кружилин. – Это от Исаева, Ковалев, – после чего проходит вперед и усаживается за приставной столик.

«Ленин» прекращает писать, поднимает голову, с минуту на меня глядит и показывает рукой на стул, против заместителя.

Я прохожу вперед, снимаю с голову мичманку, присаживаюсь.

– Расскажите, пожалуйста, о себе, – начинает беседу прокурор. Я коротко рассказываю.
– Значит по профессию вы юрист и уволены из органов по состоянию здоровья? – выслушав, задает он вопрос.

Точно так, – отвечаю я, после чего достаю из внутреннего кармана тужурки диплом со справкой Мурманского военно-морского госпиталя, удостоверенной подписью главного врача и гербовой печатью.

Веденеев их внимательно изучает, а затем передает Кружилину.

– Как со здоровьем сейчас? – щурит карие глаза.

– Готов к труду и обороне на суше.

– А с характеристикой по прежнему месту службы? Мы ее обязательно запросим.

– С этим будет все в порядке. Можете не сомневаться.

– В таком случае, не будем откладывать дело в долгий ящик, – тянет из лежащей на столе пачке сигарету прокурор и чиркает спичкой.

– Я как раз сейчас выезжаю в прокуратуру области по делам, предлагаю со мной. Там напишете заявление о приеме на службу, и займемся оформлением. Должность – помощник прокурора по общему надзору. Зарплата небольшая, сто пятьдесят два рубля. Затем переаттестуем вас и станет больше. В течение года гарантирую новую квартиру. Ну, как, согласны?

– Согласен, – отвечаю я. Веденеев мне все больше нравится.

– Ну, тогда за дело (встает он из-за стола). – Николай Иванович, я вернусь, наверное, поздно, а от Бондаря на санкцию должны привезти взяточника. Ты им займись, пожалуйста.

После чего Кружилин возвращает мне документы, прокурор извлекает из ящика стола кожаную папку, и мы поочередно выходим из кабинета.

– Наташа, – обращается он к секретарше (та принимает дело у толстого милицейского майора), – если кто будет звонить, я в Ворошиловграде.

Зрозумила, Виктор Петрович, хай вам щастыть, – поет она и, хукнув на печать, пришлепывает какую-то бумагу.

– А ты с чем пожаловал, Козырь? – обращается к майору прокурор.

– Та ось, дило прывиз, Николаю Ивановичу.

– Это то, что по разбою?

– Ну да.

– Доказательной базы хватает?

– Та выше головы, – расплывается в улыбке толстяк. – Вы ж мэнэ знаетэ.

– Добро.

Выходим из приемной, спускаемся вниз и, выйдя наружу черным ходом, оказываемся с тыльной части здания. К нему примыкает заасфальтированная площадка с растущей на миниатюрной лужайке высокой раскидистой рябиной.

У гаража стоит новенькая белая «двадцатьчетверка», в двигателе которой копается мрачного вида курчавый водитель в синей робе. Увидев нас, закрывает капот и сплевывает.

– К вечеру аппарат будет на ходу, осталось только сцепление поменять, – хмуро бубнит он прокурору, утирая руки ветошью. – И не забудьте в области к Соловьеву зайти, он нам резину второй месяц зажимает.

– Напомню, – отвечает Веденеев, и мы идем по дорожке через молодой парк к виднеющемуся за ним жилому массиву.

Это центральная часть города с обширной площадью, в противоположных концах которой высятся кубические здания горкома и горисполкомом, с голубыми елями по фасаду. Здесь же расположены кинотеатр, плавательный бассейн из стекла и бетона, главпочтамт и несколько магазинов. Венчает весь этот архитектурный ансамбль гранитная фигура вождя, с протянутой в будущее рукой, установленная на пьедестале и многочисленные клумбы роз, перемежающиеся плакучими ивами.

На стоянке перед горисполкомом несколько автомобилей, у одного из которых нас ждут средних лет женщина с мужчиной.

– Ну что, будем выезжать? – обращается к ним Веденеев.

– Непременно, – отзывается мужчина, пожимая нам руки.

– Сережа, заводи, – кивает он сидящему в салоне бежевой «Волги ГАЗ-21» шоферу.

Через несколько минут мы выезжаем из города, спускаемся по широкой автостраде в долину, а из нее вверх и направляемся в сторону Бахмутского шляха. Теперь это скоростная автострада, связующая нашу и Донецкую область.

В Петровские времена в Бахмуте (нынешнем Артемовске) донские и слободские* казаки добывали в варницах* соль, снабжая ею всю Малороссию

Доставляя ее обозами на восток, они несколько дней отдыхали на берегах Лугани, где на тучных заливных лугах пасли отощавших за время пути животных, варили кулеш, пили горилку и приударяли за хуторскими девчатами. Отсюда и название смежного с нами района – Попаснянский. И поныне, там, в дубовых балках, есть несколько старых казачьих криниц с чистой и вкусною водою.

Со времен Екатерины Шлях содержится в образцовом порядке и до самого Ворошиловграда вдоль него тянутся фруктовые лесопосадки

В пути Виктор Петрович знакомит меня с попутчиками.

Мужчину зовут Николай Иванович Жайворонок, он заведующий горно, женщину – Людмила Тимофеевна Макогончук, она работник горисполкома. Как и мы, в Ворошиловград оба направляются по делам.

На въезде в областной центр имени Первого маршала, нас встречает высоченный памятник «Труженнику Луганщины» с факелом в поднятых руках, именуемый в народе Фантомас, поскольку юмористов в наших краях хватает.

Миновав его, сворачиваем влево, на проспект и следуем в черед авто по нему мимо обкома партии и дома политпросвещения, напротив которого светлеет туфом здание областной прокуратуры.

Высадив нас с Веденеевым напротив входа, попутчики уезжают, пообещав заехать на обратном пути.

Прокуратура находится в трехэтажном типовом здании с десятком тянущихся вдоль фасада елей и вычурными скамьями у входа.

Заходим в гулкой вестибюль и, предъявив дежурному документы, поднимаемся на второй этаж. Он пустынен, с рядами высоких дверей, тянущихся вдоль широкого коридора с мягкой ковровой дорожкой на полу. Прокурор открывает одну из них и попадаем в отдел кадров, где нас принимает начальник.

Это пожилая женщина в мундире старшего советника (полковник), с усталым лицом и строгим голосом. Представив меня, Виктор Петрович уходит по делам, а я в течение часа отвечаю на ее вопросы, касающиеся биографии и прежней службы.

Затем изучаются мой диплом, военный билет и медсправка. Удовлетворившись результатами, Ирина Александровна Орлова (так зовут начальницу) дает мне заполнить формализованную анкету, после чего, под ее диктовку, пишу заявление на имя прокурора области, о приеме на службу.

– На этом все (забирает кадровик бумагу) Как только от вашего бывшего руководства поступит характеристика, займемся оформлением.

Прощаясь, выхожу в коридор и в расположенном в его средней части холле разглядываю висящие на стене стенды из истории прокуратуры области. Они довольно интересные: оказывается Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко стоял у истоков ее создания и является депутатом Верховного Совета от Луганщины, а один из руководителей подполь-

ной антифашистской организации «Молодая гвардия» Сергей Тюленин, около года работал в областной прокуратуре помощником следователя.

Минут через двадцать появляется Виктор Петрович.

– Ну, как собеседование?

– Вроде нормально.

– Тогда пошли вниз, перекусим и будем отправляться домой.

В расположенном на первом этаже небольшом буфете, подкрепляемся украинским борщом и макаронами с котлетой, после чего, расплатившись, выходим на улицу. Автомобиль Жайворонка уже на месте и мы, усевшись в салон, покидаем областной центр.

Под колесами монотонно гудит блестящий лента асфальт, из приемника льется задушевная песня

Рідна мати моя, ти ночэй нэ доспала,
Ти водила мене у поля край села,
І в дорогу далеку, ти мэнэ на зорі проводжала,
І рушник вишиваний на щастя дала.
І в дорогу далеку ти мене на зорі проводжала,
І рушник вишиваний на щастя, на долю дала...

выводит мягким баритоном, популярный на Украине исполнитель Александр Таранец. В салоне тишина. Слова и исполнение берут за сердце.

На закате дня, когда еще нежаркий шар солнца висит у горизонта, въезжаем в раскинувшийся в долине Первомайск, и меня высаживают на автовокзале.

– Как только поступит характеристика, дам тебе знать, – говорит на прощание Веденеев.

Через пару недель из прокуратуры Брянки сообщают, что на следующий день мне нужно быть в области, у Орловой.

В этот раз она встречает меня несколько благожелательнее и сообщает, что запрошенный ею документ поступил.

– Ознакомьтесь, – протягивает его мне. Читаю. Адмирал обещание сдержал и характеристика на меня, можно сказать, блестящая.

– Результаты я доложила прокурору области, он не возражает о зачислении вас в штат, – сообщает Орлова. Проект приказа уже подготовлен, теперь вам нужно сфотографироваться для получения удостоверения.

В моем бумажнике оказывается пара необходимых снимков, которые я показываю начальнице.

– Что ж, вполне приличные. В таком случае, с завтрашнего дня приступайте к работе, приказ о назначении и удостоверение мы пришлем в течение недели. Удачи вам на прокурорской стезе, – улыбнувшись, протягивает мне руку.

На следующий день, 1 июля 1980 года я приступаю к своим новым обязанностям помощника прокурора города Первомайска Ворошиловградской области.

В то время система этих органов, возглавляемая Генеральным прокурором СССР Действительным государственным советником Романом Андреевичем Руденко, существенно отличалась от ныне действующей. Она была намного компактнее, располагала высокопрофессиональными кадрами и имела широкие полномочия.

Пройдя практически все ступени прокурорской иерархии, от низового звена до центрального аппарата Прокуратуры СССР и Генеральной прокуратуры России, с полной ответственностью могу сказать, нынешние прокуроры в подметки не годятся своим предшественникам, как, впрочем, и оперативно-следственный состав других правоохранительных структур.

Теперь несколько слов о Луганщине, именуемой ныне ближним зарубежьем. Не для пафоса, а в качестве прелюдии к ряду событий, участником которых мне предстояло стать в самое ближайшее время.

В Допетровские времена территория, на которой сейчас находятся Луганская, Донецкая и Днепропетровская области, соответствовала среднему европейскому государству, именуясь Гуляй – полем. Населена она была немногочисленной запорожской вольницей, не признававшей над собой ничьей власти.

Но затем, в начале восемнадцатого века, по Указу императрицы Екатерины, сюда, для защиты южных рубежей России от турок и татар, направляются с Балкан два гусарских полка под командованием Райко Прерадовича и Ивана Шевича, набранные из сербов.

В их числе, в ковыльные степи пришел и один из моих пращуров по материнской линии, пикинер,* Лука Васалакиев. В состав полков входило четырнадцать рот, образовавших первые военные поселения на Луганщине. Пращур служил в четырнадцатой, которая и дала одноименное название одному из сел Попаснянского района, где мне доводилось бывать и общаться с многочисленной в те дни родней Васалакиевых.

Когда же в этих местах стали разрабатываться каменный уголь и железная руда, в степи хлынул новый поток переселенцев, основу которого составляли разогнанные Екатериной сечевики*, маршевые и арестантские роты.

Естественно, что все они, ставшие впоследствии коренным населением Луганщины, были далеко не робкого десятка. Помимо прочего, способствовал этому и каторжный труд, которым отличались шахты. К слову, работавшие тогда под землей наравне с людьми кони, выдерживали в тех условиях не более пяти лет.

На рубеже двадцатого столетия, Донбасс уже был одним из наиболее развитых в России центров угольной, сталелитейной и машиностроительной промышленности, немалая часть которой находилась на территории Луганской области.

Это способствовало формированию пролетариата, наиболее подверженного идеям набирающего в то время силу, марксизма.

В дни революции 1905 года, сформированные из шахтеров и рабочих луганские дружины, оказались настолько боеспособными, что еще около месяца после подавления восстания в Москве и других городах Империи, противостояли отборным казачьим подразделениям.

И не случайно в годы Гражданской войны Луганщина породила таких военачальников и командиров, как Ворошилов, Пархоменко и Якубовский.

Пусть имя первого сейчас опорочено, а остальные преданы забвению, это не умаляет их заслуг в строительстве рабоче-крестьянской Красной Армии, впоследствии победившей фашизм.

В годы Великой Отечественной войны в составе шахтерских дивизий на фронт ушло практически все боеспособное население области, а после ее окончания, она в кратчайший срок восстановила свой промышленный потенциал.

Стахановское движение, гремевшее по Стране, также зародилось на моей родине.

К началу восьмидесятых годов прошлого столетия область была дважды орденоносной и имела в своем потенциале помимо угольных объединений, такие Союзного значения предприятия, как Луганский тепловозостроительный завод и Коммунарский металлургический комбинат, Лисичанский и Северодонецкий нефтеперерабатывающие комплексы, Стахановский вагоностроительный и Первомайский электро-механический заводы, Краснолучское машиностроительное предприятие.

Их продукция поступала во все союзные республики, а также экспортировалась в Европу.

Была область в то время и кузницей руководящих кадров. Председателем Совета Министров СССР являлся наш земляк из Славяносербска – Полянский, министром Внутренних дел СССР Щелоков – уроженец Ирмино,

Генеральный прокурор СССР Руденко и сменивший впоследствии его на этом посту Рекунков, представляли Луганщину в Верховном Совете, являясь ее депутатами. Дала она своих сыновей космосу, фундаментальной науке и большому спорту.

Естественно, что эти лица не обделяли малую Родину своим вниманием и довольно часто навещали ее официально или приватно.

Все это порождало двоякие последствия.

С одной стороны, не без помощи сановитых земляков и депутатов, Луганщина активно развивалась. Возводились новые и реконструировались старые предприятия, улучшалась городская и сельская инфраструктура, рос уровень благосостояния населения. Зарботки шахтеров и металлургов, были самыми высокими в Стране.

В то же время, областное руководство, имея в Москве столь высоких покровителей, старалось «не ударить лицом в грязь» и вело свою паству к новым трудовым подвигам, не всегда законными путями.

Прокуратура области, не желая выглядеть бездеятельной в глазах своего руководства и заручившись его поддержкой, по мере сил старалась не допускать беззакония, что влекло переменный успех в нелегком деле построения светлого будущего.

На время моего зачисления в ее ряды, областные правоохранители под непосредственным руководством первого заместителя прокурора Украины Скопенко, нанесли Ворошиловградскому обкому партии, весьма ощутимый удар.

За злоупотребление служебным положением и взятки были привлечены к уголовной ответственности и осуждены к длительному лишению свободы, первые секретари Стахановского и Кировского горкомов партии Билым с Кочкаревым.

Эти дела были не столь масштабными, как нашумевший в свое время процесс над крупным партийным функционером Медуновым, но тоже имели общесоюзный резонанс.

В этой связи, взаимоотношения партийных руководителей с прокуратурой, нельзя было назвать безоблачными. Они походили на затишье перед бурей.

По распределению обязанностей, мне был поручен общий надзор. Он заключался в проверках поступавших в прокуратуру различного рода сигналов об имеющихся в экономике нарушениях, а также плановых и внезапных проверках предприятий, учреждений и организаций, расположенных как в Первомайске, так и в относящихся к нему городах районного подчинения Горское и Золотое.

В то время, на их территории, площадью чуть меньше сотни квадратных километров, проживало около девяноста тысяч человек, работавших на различных предприятиях.

Самым большим из них являлось производственное объединение «Первомайскуголь», включающее в себя шесть крупных шахт, обогатительную фабрику и несколько специализированных управлений. Далее следовал электро-механический завод имени Карла Маркса, поставляющий комбайновые двигатели для всей угольной отрасли страны, Первомайский машиностроительный завод, выпускающий продукцию военного назначения, Мирнодолинский опытно-экспериментальный завод, обувная фабрика и завод строительных материалов.

Кроме этого, в городе имелось несколько шахтостроительных управлений и автотранспортных предприятий, а также два ОРСа и потребкооперация, с разветвленной торговой сетью.

Помимо прочего, мне вменялся в обязанности надзор за исполнением законов Первомайским, Горским и Золотовским городскими Советами народных депутатов, а также законов о несовершеннолетних, обучавшихся более чем в двух десятках профессиональных училищ и школ города, а также кодификация всех поступающих в прокуратуру законодательных и нормативных актов.

Не освобождался я и от дежурств по прокуратуре, которые заключались в выездах на места происшествий, связанных с насильственной смертью.

Короче, моя служба, как и раньше, в контрразведке, строилась по объектовому принципу, но если там в обслуживании было только два подводных ракетных крейсера и плавбаза, то здесь больше сотни всевозможных объектов. В том числе военного-промышленного назначения.

Как и каким образом все это буду выполнять, я тогда представлял смутно и на первых порах, даже растерялся.

Выяснить у Веденева все эти вопросы не успел, через пару дней после моего выхода на службу, он ушел в отпуск и уехал на родину в Арзамас.

Исполняющим обязанности прокурора на этот период был назначен Кружилин, к которому я и обратился за разъяснениями.

– Ты, только, не робей, – заявил мне Николай Иванович, дымя неизменной беломорской и внимательно просматривая громадную кипу лежащих на столе «отказных» материалов, только что привезенных из милиции.

– Главная твоя задача – в срок отписывать поступающие из области задания. Как только получишь такое – сразу ко мне. Я объясню, что и как делать, все остальное потом. Уразумел?

– В общем, да.

– Ну и добро, иди, занимайся, – окутался дымом Кружилин, продолжая листать папки.

Так как заданий ко мне пока не поступало, по совету Ильи Савельевича, добровольно взявшего надо мною шефство, я усиленно занялся изучением текущего законодательства, а также подзаконных актов, которые следовало применять в своей повседневной деятельности.

Мама моя! Чего только не пришлось перелопатить.

Законы Верховного Совета и Постановления ЦК КПСС, Постановления ЦИК, СНК и Совета министров, приказы Генерального прокурора, нормативные документы министерств с ведомствами, прокурорско-следственную практику, и даже словарь блатного жаргона.

Вся эта казуистика была сосредоточена в систематизированных бюллетенях текущего законодательства, многочисленных толстенных фолиантах сводов законов и прочих изданий, а также картонных папках. Занимали они собою три полированных книжных шкафа, стоявших у торцевой стены моего просторного кабинета. Причем многие были в добротных красных и зеленых коленкорových переплетах, что создавало иллюзию высокого ума их владельца.

Пришлось серьезно заняться пополнением своих знаний, для чего я использовал толстую офицерскую тетрадь (привезенную с Севера), куда стал конспектировать все самое необходимое, разнося по нескольким разделам.

В течение первой недели знакомлюсь с остальными сотрудниками прокуратуры и организацией работы в коллективе.

Служат в надзорном учреждении, согласно штатному расписанию двенадцать человек.

Помимо уже известных мне Веденева, Кружилина и Савицкого, в нем трудятся помощник прокурора Надежда Пролыгина, старшие следователи Валентина Безродняя, Лариса Лельчук и Евгений Остриков, а также технический состав, состоящий из заведующей канцелярией Лилии Гаманюк, секретаря-машинистки Наталии Цапко, водителя Ивана Шемчука и курьера – уборщицы, Оксаны Бойко.

По распределению обязанностей Веденев осуществляет общее руководство прокуратурой и представляет ее в партийно-советских, правоохранительных а также хозяйственных структурах

Кружилин занимается надзором за оперативно – розыскной деятельностью, следствием и дознанием в Первомайском ГОВД, а также Горском и Золотовском отделениях милиции.

Савицкий с Пролыгиной надзирают за рассмотрением уголовных и гражданских дел в городском суде, а Безродняя и Лельчук с Остриковым, расследуют уголовные дела о тяжких преступлениях, отнесенных к компетенции прокуратуры.

Несколько штрихов к портретам моих новых коллег.

Виденееву и Кружилину под сорок лет. В прошлом они опытные следователи и умело руководят коллективом. Оба доступны, просты в общении и не гнушаются «черновой» работы. Заядлые курильщики и острословы.

Савицкому за шестьдесят, он ветеран Великой Отечественной войны и в органах прокуратуры служит с пятидесятого года. Знает об оперативно – следственной и прокурорской работе все, что возможно. Превосходный судебный оратор и тонкий юморист, а также виртуоз матерщины. Имеет множество наград, Почетный работник прокуратуры.

Пролыгина моя ровесница. Это миловидная, с пышными формами дама, обремененная мужем – капитаном милиции и тремя детьми.

Такого же примерно возраста и Безродняя, Лельчук несколько моложе. Первая – высокая стройная блондинка с зелеными глазами, вторая – брюнетка южного типа.

Обе считаются опытными следователями, на хорошем счету у областного и даже республиканского начальства.

Третий следователь – Остриков, тоже мой ровесник. Он метр шестьдесят с ботинками, лукав и похож на шустрого мышонка. К работе относится с прохладцей, зато острослов, душа любой компании и любимец прекрасного пола.

Заведующей канцелярией Гаманюк за сорок. Это молодящаяся, болезненная и, как сразу же выяснилось, вздорная женщина, способная на мелкие пакости.

В отличие от нее, секретарь – машинистка Цапко очень добрый, открытый и доброжелательный человек. Подводит Наташу, которую Остриков зовет не иначе, как «малышка», ее богатырская статья. Жениха при таком росте и формах, даже среди шахтеров ей пока не нашлось. И силой бог девушку не обидел. Сам однажды видел, как она сгребла за шкуру и спустила с лестницы подвыпившего забойщика, который попытался «качать права» в приемной.

Водитель Иван Шемчук моих лет, курчавый и смуглый, отличный механик, а еще автомобильный фанат. Он постоянно драит прокурорскую «двадцать четверку», и к нему регулярно приезжают за консультациями, водители первого* и предгорисполкома. Кроме того Ваня удачливый охотник и рыбак, чему многие завидуют.

Есть еще у нас еще курьер-уборщица, пожилая женщина с грустными глазами, появляющаяся в прокуратуре на пару часов ранним утром и поздним вечером. Вот такой коллектив, с которым предстоит работать.

Предупреждая возможный сарказм читателя по поводу характеристик перечисленных лиц скажу, что мне в жизни, наверное, здорово повезло, так как за весь период своей службы я практически не встречал в числе своих близких коллег подлецов, и держиморд. Как и я, они имели те или иные недостатки, но в памяти остались достойными людьми и яркими личностями.

Мой кабинет, под шестым номером, располагался на первом этаже в левом крыле здания и по размерам не уступал прокурорскому. Помимо обычной обстановки, в нем находилась «кодификация сводов законов», которые помещались в трех больших шкафах за стеклом, а также специальный классификатор в виде бюро с сотней ячеек, позволявший при необходимости эти законы найти.

Хочу отметить, что наша прокуратура выгодно отличалась от других даже более крупных не только современным добротным зданием, но и условиями работы, которые обеспечивало руководство.

Все мы имели отдельные кабинеты, обставленные современной мебелью, с телефонами, пишущими машинками и радиоточками. В помещениях летом было прохладно, а зимой тепло и сухо. Перед фасадом прокуратуры росли плакучие ивы с каштанами, а также имелся газон, огражденный вычурной металлической оградой.

Поскольку жилья у нас пока не было, мы с Таней и Леночкой жили у родителей в Брянке, откуда я ежедневно ездил на службу в Первомайск. Вставать приходилось очень рано, однако после Заполярья это было не в тягость. Наоборот, добираясь на работу, я не уставал любоваться утренними пейзажами старого Донбасса, которые в лучах восходящего солнца были неповторимо красивы.

Рабочий день заканчивался в 18 часов, но из-за большой загрузки я, как правило, задерживался и попадал домой уже затемно.

В течение первого месяца службы, из области поступило всего два задания, которые я выполнил с помощью Николая Ивановича, и с чувством собственного достоинства продолжил конспектирование законов и других материалов, наивно полагая, что в этом, наверное, и будет заключаться моя основная деятельность.

Иллюзию развеял вышедший из отпуска прокурор. Он остался недоволен результатами, и спасло меня от разноса только наличие объемного конспекта, записи в котором перевалили за две сотни листов.

С этого дня началась настоящая работа.

Для начала Виктор Петрович поручил мне организовать несколько проверок на предприятиях и подготовить по их результатам представления в адрес руководителей. Проверки художественно я провел и представления подготовил. Однако Виденеев их забраковал и потребовал переработать. Результаты оказались лучше, и на этот раз удовлетворили его.

Затем прокурор направил меня в суд для поддержания государственного обвинения по уголовному делу. Оно было самым простым, но выглядел я в своем первом процессе, прямо скажу, не как Плевако.

Далее, как из рога изобилия, на меня посыпался целый ворох поступающих в прокуратуру жалоб граждан по самым разным вопросам, начиная от мелких кляуз и заканчивая сообщениями о преступлениях.

К ним добавились задания облпрокуратуры по моей отрасли надзора, а также другие текущие дела, требующие оперативного разрешения. И я понемногу стал «тонуть» в этой бешеной круговерти.

Однако, являясь по зодиаку Бараном, и наделенный по видимому от него упрямым характером, сдаваться не собирался и каким-то непостижимым образом пока оставался на плаву.

К чести моих коллег, они оказывали мне посильную помощь, а Илья Савельевич взял под свой личный патронаж, поскольку за почти тридцатилетнюю службу здорово поднаторел во всех хитросплетениях прокурорской деятельности.

Как поется в одной песне, «если долго мучиться, что-нибудь получится». Через несколько месяцев, я более – менее стал ориентироваться на новом поприще и почувствовал себя увереннее.

Все прокурорско-следственные работники у нас привлекались к дежурствам, связанным с выездами на места происшествий по фактам насильственной смерти. Они были недельными и достаточно трудоемкими, так как довольно часто, по тем или иным причинам, на территории обслуживания кто –нибудь погибал. Были тут убийства, тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть, разного рода суициды, а также производственные травмы (в основном на шахтах) с летальным исходом.

Выезды осуществлялись в составе оперативных групп, с участием работников уголовного розыска и экспертов-криминалистов. При необходимости в них участвовал и судебные медик.

На месте происшествия работник прокуратуры проводил следственные действия и руководил действиями группы. Хотя такие мероприятия длились, как правило, несколько часов и в том числе ночью, в любую погоду – никаких отгулов за них не полагалось. Да мы и не настаивали.

Самым важным было тогда раскрытие преступлений «по горячим следам». И это нередко удавалось, особенно, если с нами выезжал начальник угро Толя Пролыгин. В этом случае оперативники «рыли землю рогом», находили и быстро доставляли нам всех вольных и невольных свидетелей преступления, а порой и их исполнителей.

К слову, тогда эти деяния, как правило, совершались по пьянке или на бытовой почве и раскрывать их было намного проще, чем сейчас, когда криминал стал профессиональным.

Со второго месяца службы стал выезжать на происшествия и я. К этому времени Виктор Петрович организовал новому сотруднику комнату в общежитии шахты имени Менжинского, в пяти минутах ходьбы от прокуратуры.

До сих пор помню выезд на свое первое убийство, в июле 1980 -го.

Раннее утро. Берег затянутой туманом Лугани, в старой части города. А на зеленом лугу тело молодой женщины с разбитой головой. В составе прибывшей на место происшествия группы я, Пролыгин и два оперативника. Пока осуществляю осмотр и оформляю протокол, опера исчезают в близлежащем детсаде, где устанавливают, что убитая в нем работала, а накануне к ней приходил освободившийся из мест лишения свободы муж. Между ними произошла ссора, во время которой тот пригрозил женщине расправой.

Розыскники с Пролыгиным уезжают опросить подозреваемого по известному им адресу, а мы с вызванным судебном-медицинским экспертом осматриваем тело.

Преступление мы раскрыли за несколько часов. Злоумышленника взяли дома, где он жег в печи окровавленную одежду и обрезок бильярдного кия, послужившего орудием убийства.

Когда я допросил задержанного в ИВС* по уже возбужденному уголовному делу и тот был препровожден в камеру, присутствовавший при этом Анатолий спросил, – это твое первое убийство?

– Первое.

– Быстро раскрыли, хорошая примета на будущее.

Так оно и оказалось. За десять лет работы «на земле», в Первомайске, Стаханове и Попасной, из таких преступлений, по которым довелось работать, «глухарями» остались всего два, да и то из-за недостаточности улик. Не иначе везение.

Из милиции еду в прокуратуру, где докладываю о результатах Веденееву. Он удовлетворенно хмыкает и приказывает передать дело Лельчук.

– Кстати, рекомендую тебе самому понемногу осваивать следствие и отработать пару-тройку дел. В будущем пригодится.

Совет был дельным и, хотя своей работы было невпроворот, через неделю я принял к производству свое первое уголовное дело.

Оно оказалось интересным и запомнилось.

Подследственного звали Андреем Бадером.

Был он моих лет, родился и вырос в Первомайске, в рабочей семье. С детских лет увлекся боксом и по окончании средней школы имел разряд кандидата в мастера. Несколько раз выступал на первенство области и грезил о большом спорте.

Но, как говорят, не судьба. На летней танцплощадке в городском парке, к его жене пристал вернувшихся из лагерей местный авторитет с приятелями. Завязалась драка. Андрей здорово отделал блатных и изувечил «сидельца». За что получил трехлетний срок, а в зоне увеличил его, избив за придирки одного из вертухаев*. Жена не стала ждать мужа, оформила развод и сошлась с другим парнем.

На свободу Бадер вышел другим человеком. Жестоким и озлобленным.

Для начала, решив отомстить бывшей жене, пришел к ней домой и жестоко избил мужа.

Затем через своих родителей, у которых жил, пригласил ее якобы для примирения. Там, отправив стариков к соседям, понудил девушку заняться с ним сексом, обещая впредь не вме-

шиваться в ее жизнь. А при этом записал действие на портативный, спрятанный под тахтой магнитофон. Далее последовал шантаж – вернись ко мне или прокручу запись мужу.

В итоге супружеская пара обратилась с заявлением в прокуратуру. Я тогда как раз дежурил, опросил их, а затем, по указанию прокурора, возбудил дело и принял к своему производству.

При задержании Андрей оказал сопротивления высланному за ним милиционерскому наряду, своротив одному сержанту скулу, а второго пытаясь пырнуть ножом, за что получил дополнительную статью в обвинение.

В ходе следствия у меня с ним установился психологический контакт, вину Бадер признал полностью, так что дело я завершил в установленный законом двухмесячный срок.

При этом имел место занимательный случай.

Дело я иногда брал с собой, работая с ним, когда семья отправлялась спать. Одним таким вечером, придя домой и чмокну в щечку Леночку, притащившую мне тапки, я прошел в зал. Там извлек из портфеля и положил на стол пухлый том, затем вымыл в ванной руки и отправился ужинать на кухню. Таня, накрыв стол, присела рядом.

Пока ел, мы обменялись новостями, а затем я снова направился в зал. На ковре сидела трехлетняя дочура и, что-то бормоча, вырывала из дела листы (несколько смятых уже лежали рядом). Остальные от любознательного человечка удалось спасти.

– Не иначе тоже юристом будет, – сказал я в тот вечер Тане, и как оказалось впоследствии, не ошибся.

На процессе Андрей снова забузил, и на глазах судей, а также многочисленных обывателей, набившихся в зал, порезал себе вены спрятанной во рту бритвой.

Служители Фемиды демонстрацию не оценили и впаяли ему по совокупности преступлений шесть лет лишения свободы, с отбытием наказания в ИТК* строгого режима. (Кстати, это была не последняя наша встреча).

Осенью меня аттестуют и приказом Генерального прокурора СССР присваивают классный чин – юрист 3 класса. Он соответствует званию лейтенанта, в которое я был произведен Президиумом Верховного Совета СССР еще в 1978 году.

Здесь тоже маленькое отступление. Как я узнал позже, в период комиссования, затянувшегося почти на месяц, Председатель КГБ СССР мне присвоил старшего лейтенанта. Но приказ осел где-то в кадрах Особого отдела флота (по принципу помер Максим, ну и хрен с ним) так что, его мне не объявляли.

– Да, – подумалось, – при такой скорости продвижения, годам к сорока точно стану капитаном.

За звезды в прокуратуре тогда не платили, и мой должностной оклад составлял 152 рубля.

Для сравнения, по второму году в Заполярье, я получал в четыре раза больше. Выручало то, что по линии КГБ СССР (о чем позаботилась Лубянка), я два года получал нигде не афишируемую доплату в размере еще 120 рублей, за что попал в поле зрения партийного контроля. Был такой орган, в Центре и на местах, чистивший ряды, «руководящей и направляющей».

В нашем Первомайском горкоме его возглавлял некий Коваль. По внешности он напоминал Геббельса в последние годы жизни и был неприятным типом. Целеустремленно и методично собирая копромат на того или иного коммуниста, оформлял все надлежащим образом, а затем представлял Первому. В результате на заседании бюро горкома жертва получала взыскание, а то и изгонялась из рядов. Как Нагульнов в известном романе Шолохова.

И вот как-то приглашает меня Веденеев к себе и сообщает, – тебя вызывают в горком к Ковалю. Ты ничего эдакого не натворил? Супротив партии.

– Нет, – отвечаю. Устав помню и выполняю.

– В таком случае сходи, а потом мне доложишь.

Следую в «белый дом», стучу в кабинет Ковалья, – вызывали?

– Присаживайтесь, – говорит, криво улыбаясь.

– Как же так, дорогой товарищ? – Вы ответственный работник, а утаиваете от партии часть доходов.

Затем достает из стола папку выдает подробную раскладку.

– Кстати, откуда у вас те (продолжает), которые получаете на почте переводами?

По натуре я человек вспыльчивый и прямой, за что не раз имел неприятности, но тут сдержался.

– Виноват, – отвечаю, – пишите адрес организации.

Коваль довольно шмыгает носом (у него всегда насморк), раскрывает лежащий на столе блокнот и щелкает ручкой, – диктуйте.

– Москва, Лубянка, дом 2, туда можно направить запрос на имя Председателя КГБ Андропова.

У Ковалья отвисает челюсть.

– Кхы-кхы, – кашляет в кулак. – Из вашей партийной карточки я конечно знаю... нерешительно мямлит.

– Этого вполне достаточно, – поднимаюсь я со стула. – Кстати, это не доход, а компенсация за утраченное здоровье, дорогой товарищ. Могу быть свободен?

– Да, да, – часто кивает собеседник. – Будем считать, вопрос исчерпан.

О разговоре я доложил прокурору, он лишних вопросов не задавал.

Как оказалось потом, Виктор Петрович внимательно следил за становлением нового помощника, и зимой отправил меня на двухнедельную стажировку в прокуратуру области. Проходил я ее в отделе общего надзора у старших советников юстиции Смирнова, Лившица и Когана. Это были корифеи своего дела, у которых было чему поучиться.

По просьбе Веденеева, несколько практических занятий со мной, провел и начальник отдела по гражданско-судебному надзору Троценко. Благодаря ему я освоил практику исковой работы по возмещению государству причиненного экономическими преступлениями ущерба, что весьма пригодилось в дальнейшей работе.

Впоследствии, уже в столице, наши с Иваном Артемовичем пути неоднократно пересекались, и я навсегда сохранил самые добрые воспоминания об этом чрезвычайно талантливом и трагически погибшем человеке.

А пока приходилось в поте лица осваивать все тонкости общего надзора.

По законам диалектики, количество неизбежно переходит в качество. И если первые мои проверки были малоэффективными, то последующие нередко завершались возбуждением уголовных дел по фактам хищений, приписок, а также различных злоупотреблений со стороны хозяйственных руководителей. И дело здесь не только в количестве. В своей работе исподволь я стал применять средства, которыми пользовался в органах КГБ, а именно агентуру.

На эту мысль меня навели, случайно обнаруженные в одном из двух кабинетных сейфов несколько удостоверений внештатного помощника прокурора. По виду они мало отличались от наших, и были не заполнены. Взяв одно, обратился за разъяснениями к Савицкому.

Он поведал, что такие «корочки» с окончанием войны, выдавались прокуратурой лицам, используемых на легальной основе для участия в различного рода проверках. И были это, ушедшие на пенсию высококлассные специалисты: экономисты, бухгалтера, ревизоры и тому подобные, знавшие все по своему направлению изнутри. В результате эффективность прокурорского надзора была на порядок выше.

– И ввел это Роман Андреевич Руденко, – значительно поднял вверх палец ветеран. – А сменивший его на посту Саша Рекунков, в рот ему дышло, взял все и похерил, мол, наследие сталинизма. Так что, всю эту макулатуру сдай в канцелярию и забудь.

Удостоверения я сдал, но рекомендацию его не выполнил, наоборот, с этого момента стал кропотливо подбирать себе негласных помощников

К тому времени, имея определенный опыт, я был твердо убежден, что они обязательны в надзорной деятельности.

Факты хищения государственного имущества в крупных и особо крупных размерах, приписки, злоупотребления служебным положением, взятки, а также некоторые другие выявлялись прокуратурой далеко не всегда. Не хватало дополнительных знаний. Так же было и с возбуждаемыми по ним уголовными делами. Они, как правило, находились в производстве «важняков» областного, республиканского, а также Союзного уровня.

К чести нашей прокуратуры, Веденеев умел организовывать соответствующие проверки и заставлять делать это ОБХСС*, а Безродняя с Лельчук расследовать возбуждавшиеся по их результатам дела, с последующим направлением их в суд. Причем Безродняя считалась в области и республике, одним из лучших следователей. Что не раз отмечал тогдашний прокурор Украины Осипенко.

Приобретать себе помощников я стал на основе заинтересованности, как учили в ВКШ и на основе зависимости, как это делалось в милиции.

Естественно, что никаких спецпроверок таких лиц я не проводил, и подписок о сотрудничестве с них, не брал. Встречался официально, но беседовал без свидетелей.

Первым моим помощником стала начальник Попаснянского отделения областного Стройбанка, Деревянко. Весьма привлекательная самолюбивая и волевая дама дама. Знакомство с Ириной Петровной состоялось при достаточно негативных для нее обстоятельствах.

По требованию нашей прокуратуры, ее ревизоры провели проверку объемов строительных работ, выполненных на одном из промышленных объектов города Первомайским шахто-строительным управлением.

Нарушений не установили, о чем представили соответствующий акт. Веденеев подверг его сомнению и дал мне указание организовать повторную проверку силами КРУ* производственного объединения «Первомайск уголь». В итоге выявились приписки выполненных работ на значительные суммы, что явилось основанием для возбуждения уголовного дела, по которому на скамью подсудимых попали и были осуждены к лишению свободы, несколько хозяйственных руководителей

Утвердив злосчастный акт, подготовленный ее сотрудниками, Деревянко фактически сокрыла преступление, в связи с чем встал вопрос о ее ответственности.

По этому поводу Ирина Петровна пролила немало слез в прокурорском и моем кабинетах, заверяя, что сделала все без злого умысла, доверившись своим сотрудникам. Мы вынесли ей официальное предостережение, но направить информацию в адрес руководителя Стройбанка о наказании Деревянко, я «забыл».

С того времени между нами установились неплохие рабочие отношения, и прокуратура стала получать копии всех актов, которыми выявлялись приписки на поднадзорной нам территории

Но если банкирша помогала нам по нужде, то второй, приобретенный мною помощник, делал это заинтересованно. Он был ответственным работником исполкома и располагал интересующей нас информацией не только в нем, но и в городских учреждениях, связанных с обучением и воспитанием подростков. А поскольку я осуществлял надзор и в этой сфере, стал моим неоценимым помощником.

Постепенно я приобрел такие же позиции в производственном объединении «Первомайскуголь», а также на других предприятиях и в учреждениях города, включая ГОВД.

Для систематизации получаемых сведений и документов, завел необходимые досье. Имеющаяся в них информация позволяла в кратчайший срок, выйдя на проверку, установить нарушения Закона, а в ряде случаев возбудить по ним уголовные дела в отношении тех или иных руководителей.

Кто-то возмутится, – прокурору так действовать негоже!

Отнюдь. Вспомните слова Петра Великого «Прокуратура есть Око Государево».

А коль Око, то и «Зреть в корень», а не поверху, где тишь да благодать.

Через некоторое время результаты моей работы получили должную оценку, и в феврале 1981 года я был назначен на должность старшего помощника прокурора, а в марте получил долгожданную квартиру в только что построенном новом доме, куда сразу же перевез семью. Маленькую Леночку определили в детские ясли, а Таня устроилась на работу лаборантом в центральную городскую больницу.

Новая служба увлекала все больше.

Причин тому несколько. Первая – люди. Без преувеличения скажу, что тот первый мой прокурорский коллектив был если не идеальным, то близким к этому.

Среди работников, включая руководство, сложились самые теплые и добросердечные отношения. Мы вместе нередко отмечали праздники, юбилеи и другие, знаковые для нас события, в работе присутствовали взаимопомощь и выручка. При этом в прокуратуре отсутствовали склоки и наущничество, приветствовалась здоровая инициатива.

Второе – прокурорская деятельность требовала непрерывной учебы и повышения профессионального мастерства, а я всегда отличался любознательностью.

И, третье – можно было видеть результаты своего труда, что очень важно.

Впрочем, не всегда они были такими, как хотелось.

Помнится, весной 81-го мы с Веденевым проверяли жалобу некоего Пророченко, о крупных приписках и хищениях в управлении «Укрпромводчермет». Оно занималось водоснабжением нескольких областей, и подчинялось одному из республиканских министерств, находившемуся в Донецке. Находилось же управление в поселке Светличное на Северском Донце, территориально относимому к городу Первомайску.

В прокуратуре заявитель (в недалеком прошлом старший инженер по капремонтам, уволенный за строптивость) представил целую кипу хозяйственных и бухгалтерских документов, подтверждающих его доводы.

Нужно было назначать ревизию финансово-хозяйственной деятельности предприятия, однако «увы», в городе таких спецов не нашлось.

Более того, его начальник, некто Кучковский, имел мощную поддержку не только в министерстве, но и в Донецком, а также Воршиловградском обкомах партии. Что неудивительно: вода в наших степных краях была ценнейшим ресурсом для угольных и металлургических предприятий, а также сельского хозяйства.

Кроме того управлению принадлежала единственная в этих местах грузовая переправа, за которой начинались заповедные для охотников места, с реликтовыми Бобровым и Беляевским озерами, куда любили навещаться партийные руководители.

Можно было обойтись для начала без ревизии, вскрыв в нескольких местах поземный водовод, замена труб которого на сотни километров, по имеющимся сведениям не проводилась, но нужна была спецтехника и люди, которыми прокуратура не располагала.

Чувствуя свою безнаказанность, Кучковский нагнул и в прокуратуру по вызовам не являлся. А когда его все-таки доставили к нам приводом*, заявил, что будет жаловаться в обком. Обещание сдержал и вскоре оттуда последовал грозный рык, – работе стольважного предприятия, не мешать. Из прокуратуры области Виктор Петрович получил втык, на чем проверка завершилась.

Пророченко с горя запил и через год умер, короче как в той пословице «всем дочкам по серьгам»

Но я почему-то был уверен, что это не последняя наша встреча с Кучковским и оказался прав.

Между тем, тучи над нашими головами постепенно стужались.

За год до моего прихода, прокуратурой, при участии ОБХСС, были выявлены крупные хищения в городском ресторане «Донец», где отцы города с размахом принимали высоких гостей из Киева и областного центра. В результате его заведующая попала в места «не столь отдаленные» с конфискацией всего нажитого, а тогдашнего первого секретаря Гребенникова (по тихому), отправили на заслуженный отдых.

На его место, обкомом был назначен Мозолев, у которого сразу же не сложились отношения с Веденевым.

Он был переведен из соседнего города, где тоже являлся Первым, по виду был осанистым и с волевым характером, что сразу же сказалось на работе партийно-хозяйственного актива – который завертелся как ужаленный.

К тому времени меня избрали секретарем парторганизации и вместе с прокурором я регулярно посещал это таинство.

Впрочем, в нашу деятельность, Первый особо не вмешивался, и Виктора Петровича на ковер не вызывал, относясь к тому достаточно уважительно. Однако вскоре между ними возник конфликт, послуживший прелюдией для целой серии бурных событий.

Без согласования с прокурором, который в тот день был на совещании в области, по телефонному запросу зонального прокурора* я подготовил и направил в облпрокуратуру информацию о фактах штурмовщины на шахтах объединения, сопровождавшихся спаиванием шахтеров дирекциями в дни повышенной добычи*.

Они были введены Министерством угольной промышленности СССР с 1935-го года после установления Всесоюзного рекорда нашим земляком Алексеем Стахановым на шахте «Центральное Ирмино»

Более опытные коллеги из других прокуратур оказались прозорливее и по своим объединениям (где все было аналогично) в областную прокуратуру таких фактов не представили.

В результате, на состоявшемся вскоре в обкоме партии по этому вопросу совещании, с участием представителя ЦК Компартии Украины, Первомайск оказался в центре внимания. Мозолев получил серьезный нагоняй и решил разобраться с прокурором.

Для этого, на следующий день вызвал к себе Генерального директора п/о «Первомайскуголь» Пророченко, а заодно директоров всех шахт, по которым проехали на совещании в обкоме.

Как нам стало известно позже, перед ними была поставлена дилемма* – признать факты пьянок на предприятиях в дни повышенной добычи, за что получить партийные взыскания, или опровергнуть информацию прокуратуры, обвинив ее в предвзятости, и остаться при своих интересах.

Естественно, угольный генерал с директорами выбрали второе.

После этого, в качестве «мальчиков для битья», в горком пригласили нас с прокурором.

К слову, Виктор Петрович ни тогда, ни позже, ни разу не упрекнул меня в излишней самостоятельности. Разговор у Первого шел на повышенных тонах. Директорам был явно не по себе, и они блудливо водили глазами.

В заключение Мозолев заявил, что мы должны представить объяснения организаторов и участников, якобы имевших место пьянок, в противном случае нас будут судить партийным судом и отберут партийные билеты.

Я тогда еще был «не пуганый», и чуть было не вступил с ним в спор, однако не успел – шеф здорово прищемил мне под столом ногу.

Когда после завершения мероприятия мы вышли на свежий воздух и закурили у горкомовских елей, идущие следом директора попытались объяснить.

– Лучше подумайте, во что вы вляпались, – оборвал их Веденев. – Завтра мы займемся этим вопросом вплотную.

Те ретировались к черневшим на стоянке «Волгам» и отправились давать стране угля. Как говорят шахтеры, «мелкого, но много».

По возвращению к нам, Виктор Петрович доложил о ситуации прокурору области Зимарину и попросил направить нам для содействия в дальнейшей проверке «зонального» старшего прокурора отдела общего надзора Ушакова. Тот согласился и на следующее утро Леонид Васильевич был у нас.

Это был ражего вида* дядька, в чине старшего советника, и как я уже знал, с мертвой хваткой.

Он тут же по прямой связи вышел на Первого и сообщил о цели визита. Мозолев попросил уведомить его о результатах и предложил выделить для участия в проверке заведующего угольным отделом.

– А зачем мне ваш «цербер»? Я и без него разберусь, – заявил Леонид Васильевич, вслед за чем отключился.

– Ну что, моряк, заварил ты кашу, будем расхлебывать, – сказал он, уставив на меня свои буркалы*. – Информация-то хоть надежная?

– От председателя комитета народного контроля Ермакова, с исходящим номером и его подписью, кроме того могу дополнить ее объяснениями нескольких горняков.

– У тебя что, есть среди них знакомые?

– Да. В свое время вместе учились в Кадиевском горном техникуме*, двое работают горными мастерами на здешних шахта.

– Добро, это уже лучше, – хмыкает наш зональный*. Будем доказывать очевидное и вероятное. Виктор Петрович, сколько попало в информацию шахт?

– Пять из шести, кроме «Горской»

– Мы с тобой берем четыре, Ковалев одну, где больше всего нарушений.

– Твоя задача (тычет в меня пальцем) получить объяснения, подтверждающие нашу информацию. Чем больше, тем лучше и желательно не только у работяг. Понятно?

– Точно так.

Через полчаса, на нашей «Волге», выезжаем на эти предприятия. Все они за чертой Первомайска, в зеленых долинах и цветущей степи, над которыми росчерки перистых облаков и сиянье солнца.

– Лепота*, – довольно гудит рядом Ушаков, – а то совсем захирел в этих гребаных кабинетах.

– Есть мнение поработать без перерыва на обед (оборачивается к нам Веденеев), а потом заедем на Донец, в одно тихое место.

– Не возражаю, – значительно говорит куратор.

Вскоре меня высаживают у административного корпуса шахты «Карбонит», на которой трудятся около пятисот горняков, а сами следуют дальше.

Директор на месте и явно не в восторге от визита.

Тем не менее, мне выделяют для работы кабинет и разбитную даму – инспектора отдела кадров.

Я точно знаю, на предприятии уже проведена необходимая работа и ГРОЗам* приказано «держать язык за зубами». А поскольку заработки у них будь здоров, мужики так и сделают.

Не теряя времени даром, звоню в городской Комитет народного контроля* Ермакову, предложив тому подъехать на предприятие.

Этот болезненного вида щуплый и весьма принципиальный человек, регулярно информировал прокуратуру о выявленных комитетом нарушениях. А таких было не мало, поскольку на всех городских предприятиях имелись группы и посты внештатных инспекторов народного контроля. А поскольку ими являлись ветераны войны и труда, а также активные пенсионеры, им был сам черт не брат. Такая вот была в СССР серьезная организация.

Теперь она вроде как возрождена и называется «Народный фронт», но с Комитетом народного контроля СССР и близко не стояла.

К вечеру того дня, порядком измотавшись и наскоро перекусив доставленными из шахт-ной столовой бутербродами, мы с Ермаковым получили несколько десятков нужных объяснений. При этом использовали хитрую тактику: сначала опросили жен горнорабочих, которые после дней повышенной добычи попали в медвытрезвитель, подверглись штрафам и были за это лишены квартальных премий, а затем их суженых.

Далее переключились на так называемых «обиженных», имеющих в каждом коллективе, и ветеранов предприятия. Получилась, как говорят на флоте, – картина Репина «Приплыли». Ознакомленный с материалами директор шахты Хамицкий имел весьма бледный вид.

Кстати, свою фамилию он оправдывал. Это был классической формы хам в общении с подчиненными, руководивший до этого «Первомайск углем» и заваливший там всю работу.

Отпустив «кэривынка»* скушать валидол, мы с коллегой собрались было продолжить работу, но тут в кабинет вошли Веденеев с Ушаковым.

– Ну как тут у вас? – пожав председателю руку, спросил Виктор Петрович.

– Полный абзац, – ответил я, демонстрируя кипу объяснительных. – К ним можно добавить справки из вытрезвителя и приказы по шахте о лишении ударников труда премий.

– Глубоко копаешь, чувствую, из тебя выйдет толк, – похлопал меня по плечу зональный. – У нас тоже все путем, два директора раскололись и написали типа явок с повинной.

После этого мы распрощались с Ермаковым (у того были еще дела), спустились вниз и отправились в сторону Северского Донца, к «тихому месту».

Находилось оно недалеко от Светличного, на зеленом с песчаной осыпью берегу, где стоял небольшой строительный вагончик. На другом синел вековой бор, в прибрежных камышах пела брачную песню лягушка.

Рядом, в котле над потрескивающим костром, исходила паром уха, а за деревянным, вкопанным под березой столом, на лавке сидел крепкий старик в панаме и дымил сигаркой.

Иван остановил машину рядом с вагончиком, мы вышли и поручались с дедом.

– Давнэнько нэ бувалы, Виктор Пэтрович, – сказал он, вставая – Чи работы багато?

– Воз и маленькая тележка, дед Остап, – улыбнулся шеф. – В это году даже спиннинг в руки не брал, такая вот незадача. (Как и Иван, он был заядлым рыбаком и на выходные оба с ночевкой, уезжали на Донец или Айдар, половить там леща или жереха

Пока суть да дело, Иван извлек из багажника «тормозок»*, а к нему пару бутылок «Столичной» и накрыл стол. Дед Остап дополнил все это оловянными мисками с ложками, и приняв (кроме Ивана) по сто грамм, все навалились на горячую уху из карасей, бывшую на свежем воздухе непередаваемо вкусной.

Затем, после второй, умяли спираль домашней колбасы (в марте Иван забил кабана) и, выпив по кружке чая с медом, заваренном на чабреце*, закурили, любуясь рекой. Она плавно несла светлые воды батюшке Дону.

Возвращались домой в первых сумерках, под трели соловьев в голубых балках.

На следующее утро Веденеев с Ушаковым, навестили Первого.

Какой там состоялся разговор не знаю, но директора «ударных» шахт получили партвзыскания.

По молодости я посчитал, что на этом все и закончится, но, как показали дальнейшие события – ошибся.

Дело в том, что в любом городе или районе результаты борьбы с преступностью напрямую зависят от прокурора. Если он жестко и принципиально надзирает за оперативно-розыскной деятельностью, следствием и дознанием, она, как правило, снижается. В противном случае эффект обратный.

Веденеев был сильным прокурором, ни лебезил перед горкомом и пользовался авторитетом в милиции, городском отделе КГБ и суде.

Заручившись его поддержкой, ГОВД возглавляемый в то время подполковником Ляшенко, довольно активно работал по линии БХСС. Возглавлял эту службу капитан Касатов, большой друг прокуратуры. И сводилось это не к меркантильным интересам, а самому тесному взаимодействию в работе.

Добрая половина дел по фактам взяток и хищений в особо крупных размерах, находившихся в производстве наших следователей, возбуждалась по линии ОБХСС, и все они доводились до суда с осуждением виновных к реальным срокам, а также конфискацией имущества. Прокуратура Ворошилоградской области лидировала в этом плане, и опыт ее работы в данный период, распространялся Прокуратурой Союза СССР.

Объяснялось это тем, что в других республиках и областях таких дел насчитывались единицы, а в Средней Азии и Закавказье, они отсутствовали.

Через неделю после эпопеи с «днями повышенной добычи» Веденеев поручает мне организовать проверку городского комбината бытового обслуживания населения, кстати, довольно крупного.

Возглавлял КБОН некто Разин. Чтобы его представить, достаточно взглянуть на фото известного ныне актера Семшова. Как две капли воды, но наш герой много выше ростом. По городу Евгений Александрович передвигался только на персональной «Волге» и был в фаворе у «отцов города». На партактивах* он ни с кем из руководителей не здоровался и садился всегда отдельно, подчеркивая свою значимость.

При всем этом, возглавляемое им предприятие работало из рук вон плохо, а продукция коврового цеха, реализуемая в другие регионы и даже Среднюю Азию, постоянно вызывала многочисленные жалобы граждан. Именно с этим вопросом и предстояло разобраться.

Принял меня директор нехотя и для начала отказал в предоставлении документов по работе коврового, а также цеха вторсырья. К такому развитию событий я был готов и вручил ему подписанное прокурором требование о проверке.

Документ возымел действие, и меня провели в кабинет главного бухгалтера.

Там, в течение нескольких дней, пригласив «внештатника», я перелопатил массу всевозможных договоров, рекламаций, накладных, счет-фактур, а также других документов, из которых следовало, что в цехах воруют и притом по крупному.

Обращало на себя внимание то, что в течение нескольких последних лет ревизорами областного управления и городским КРО Минфина, это подразделение не проверялось. После доклада о результатах Веденееву, тот распорядился назначить ревизию финансово-хозяйственной деятельности всего комбината и привлечь к проверке сотрудников ОБХСС.

Спустившись к себе, я позвонил Касатову и сообщил ему о поручении прокурора. А когда заканчивал печатать требование о назначении ревизии, в кабинете появился Виктор Иванович с объемистой папкой.

Мы поприветствовали друг друга, капитан уселся на стул напротив и сообщил что уже несколько месяцев они ведут оперативную разработку комбината и имеют ряд сведений о процветающих там махинациях. Затем ознакомил меня с содержимым папки. Это были копии документов, ряд из которых я изучал в бухгалтерии, агентурные справки, а также заключение по ним с целым рядом конкретных фактов различных злоупотреблений руководства предприятия.

Оговорив детали проверки, поднялись в кабинет прокурора. Он внимательно выслушал нас и внес ряд существенных корректив в предлагаемый план действий.

Первая – ревизия хозяйственно-финансовой деятельности комбината назначается прокуратурой.

Вторая – обеспечивать деятельность ревизоров будут сотрудники ОБХСС.

Третья – решение о возбуждении дела принимает он лично.

На том и порешили.

В течение следующих двух недель на комбинате вскрываются факты хищений не только в ковровом цехе, но также в других его структурных подразделениях. Судя по бухгалтерским документам и показаниям опрошенных сотрудников, прямое отношение к этому имеют Разин с главным бухгалтером. С началом ревизии он держится нагло и самоуверенно, демонстративно навещает горком с исполкомом, однако спустя какое-то время сникает и просится на прием к прокурору. Попадает, но уже по возбужденному уголовному делу.

А еще через несколько дней, местом пребывания Евгения Александровича становится камера СИЗО Артемовска.

Уже на первых допросах, которые ведет принявшая дело к производству Безродняя, Разин сознается в хищениях и заявляет, что совершал их для дачи взяток первому секретарю горкома Мозолеву и председателю горисполкома Ерыгину. Его признание было подобно взрыву бомбы.

Обвинение во взяточничестве такого ранга партийно-советских бонз, в то время было смерти подобно.

Разина немедленно допрашивает сам прокурор – тот стоит на своем и сообщает ряд фактов. О деле Веденеев докладывает прокурора области, а тот информирует обком партии.

Уже на следующий день с доставленным из СИЗО в Первомайский ИВС Разиным, в камере встречается представитель обкома – заведующий отделом административных органов Деняк. Результат тот же.

В итоге о деле Разина докладывают в ЦК Компартии Украины, а также прокурору республики Осипенко.

Тот тут же направил в Первомайск старшего следователя по особо важным делам при прокуратуре республики Довганя.

Илья Максимович был в чине старшего советника, но больше походил на бухгалтера из известной ныне песни. Однако первое впечатление оказалось обманчивым. У «важняка» оказалась бульдожья хватка и уже через пару дней в камере оказывается главный бухгалтер комбината, а на квартирах фигурантов проводятся обыски.

Результаты превзошли все ожидания. У Мозолева с Ерыгиным обнаружили и изъяли практически все ювелирные изделия, предметы быта и различные дорогие сувениры, о которых Разин сообщил следствию.

По городу поползли самые невероятные слухи о сказочных богатствах местного начальства.

Они были преувеличены, но, в общем, соответствовали действительности.

Жили «слуги народа» и сдавший их клеврет*, явно не по средствам.

Вот только один пример. У жен всех троих (супруга Первого, кстати, была начальником паспортного стола и майором милиции) в ходе обысков было изъято такое количество дорогих мехов, импортной одежды и обуви, которого с избытком хватило бы на пару десятков самых изысканных модниц.

И это не считая золотых украшений, хрусталя, редкого охотничьего оружия, дорогой косметики и парфюмерии. Мня себя первыми леди города, эти дамы регулярно навещали промтоварный ОРС*, где отбирали самые изысканные наряды, давая указания оставшиеся возвращать на областные склады, дабы не иметь соперниц.

При всем этом, мне импонировал Мозолев, который немало сделал для города. Именно при нем развернулось настоящее строительство многоквартирного жилья, были отремонтированы центральная автострада и дорожная сеть, разбит новый городской парк с фонтаном, альпинарием и детскими аттракционами, практически заново отстроен центральный рынок, стали более успешно работать шахты и заводы.

Но, как говорят, пути господни неисповедимы.

На допросах у Довганя, отстраненные от дел секретарь и председатель держались стойко и взятки отрицали. Чувствуя, что в ближайшее время тоже могут оказаться на нарах, не без ведома и участия обкома, выехали сначала в ЦК Компартии Украины, а оттуда в Москву, в ЦК КПСС с жалобами.

Там у наших ходатаев оказалась «волосатая» рука на достаточно высоком уровне.

С этого момента следствие приняло затяжной характер и стало давать сбои.

В конечном итоге дело в отношении Разина было направлено в суд, где он получил семь лет лагерей с конфискацией имущества, а материалы в отношении «слуг народа» выделили в отдельное производство и приостановили до решения их судьбы высшими партийными инстанциями.

Те, блюдя чистоту своих рядов, сняли Мозолева и Ерыгина с должностей и строго наказали. Однако, было по видимому еще что-то, поскольку Довганя срочно отозвали в Киев.

Наивно полагая, что дело идет к завершению, я поинтересовался у Савицкого его перспективами.

– Никаких, – огорошил меня Илья Савельевич. Таких дел партия не прощает и ты в этом скоро убедишься. Аналогично высказался и мой отец, до которого дошли слухи о «войне в Первомайске».

Они как в воду глядели.

Виктор Петрович стал хмурым и зачастил в область, начальник милиции залег в госпиталь, и только неунывающий Касатонов продолжал поиск дополнительных улик на подельников Разина.

Затем происходят два знаковых события.

Веденеева переводят в обком на должность инструктора отдела админорганов, а на его место назначают прокурора Троицкого района Касяненко. На должность председателя горисполкома приходит бывший второй секретарь горкома Рыбалка, а Первым назначается некий Плахотченко.

Для представления очередного лидера, городской партактив собрали в зале заседаний «белого дома», а затем прибывший из области второй секретарь обкома Зверев, пригласил в президиум сидящего в первом ряду человека, с тяжелым угрюмым лицом. Это и был Плахотченко, занимавший до этого начальственную должность в обкоме.

Рид Петрович, курировавший по партийной линии правоохранительные органы области, был для нас настоящим Малютой Скуратовым, чего, впрочем, и не скрывал.

Представив Плахотченко и пространно рассказав о его достоинствах как руководителя, Зверев пожелал Юрию Павловичу успехов на новом поприще, высказал несколько колкостей в адрес прокуратуры с милицией и укатил на своем лимузине в область.

Новый Первый сразу же пришелся нам не по душе, и, как вскоре выяснилось, не случайно.

В первые же дни своего пребывания в должности он проявил себя как держиморда и самодур, видящий в других только слепых исполнителей его воли. Самым неприятным оказалось, что как и Зверев, он с какой-то паталогической ненавистью относился к органам правопорядка.

На первом же совещании с партактивом города, где присутствовали прокурор, начальник милиции и председатель суда, Плахотченко выразил недовольство состоянием преступности и пообещал заняться этим лично. И это при том, она у нас в тот период была самой низких в области.

Теперь о новом прокуроре.

Касяненко был достаточно опытным руководителем и грамотным юристом. Однако все предшествовавшее назначению время трудился в сельских районах, где объем работы был

неизмеримо ниже, чем в городе. Кроме того, Владимир Павлович не знал специфики промышленных предприятий угольной и машиностроительной отрасли, которые составляли у нас большинство.

Уже через неделю после его назначения, в поселке Михайловка произошло убийство, взбудоражившее население. Жертвой стала престарелая женщина по фамилии Троян, староста крупной религиозной общины.

Я в ту ночь дежурил и вместе с прокурором выехал на место происшествия.

Старушку убили в собственном доме, размозжив ей голову. Следов взлома на входной двери и окнах не было. По словам соседей, из вещей исчезли несколько старинных икон, причем одна очень древняя, принадлежавших общине и хранившихся у Троян.

На месте уже находились оперативники во главе с начальником угро.

Поручив им опрос соседей, приступаем к осмотру. Выполняем его с участием судмедэксперта и криминалиста. Результаты следующие: потерпевшую навестил кто-то из знакомых, которого она сама впустила в дом. Сначала он нанес ей удар в затылок, а когда женщина упала, надел на голову наволочку и чем-то тяжелым размозжил лицо. Затем похитил со стоящего в углу иконостаса упомянутые предметы культа и перерыл в доме все вещи.

Опрошенные соседи показали, что по характеру Троян была замкнута, немногословна и общалась в основном только с членами общины. О том, что у нее в доме хранятся иконы, знали многие, так как в дни религиозных праздников они выставлялись в молельном доме, куда приезжали верующие из других городов и районов.

К утру состав нашей группы вырос – из области, для оказания помощи, вместе с начальником управления уголовного розыска полковником Польским, прибыл прокурор – криминалист Станкевич.

Но если полковник, с которым впоследствии мне не раз приходилось встречаться по службе, действительно был мастером своего дела и без веских к тому причин не вмешивался в работу оперативно-следственных групп на месте преступления, то о Станкевиче этого сказать было нельзя.

Он вносил только сумятицу, вел себя по-барски и, как я потом понял, работал лишь на свой авторитет.

Так произошло и в этот раз.

Для начала криминалист обхаял наш протокол осмотра, хотя тот был составлен в соответствии со всеми процессуальными нормами и подробно отображал всю картину места происшествия.

К чести Касяненко он быстро поставил Станкевича на место, тот поумерил пыл и через пару часов убыл в область. Однако не успокоился, и там доложил руководству, что мы «запорили» осмотр, отказались от его помощи и некорректно вели себя.

По этому поводу пришлось объясняться с курирующим следствие заместителем прокурора области Соколиковым, который не усмотрел каких-либо «ляпов» в нашей работе и осадил ретивого подчиненного. Являясь по своей природе мстительным, Станкевич этого не забыл и впоследствии не раз пытался делать мне пакости. Однако, как говорят в народе: «бог не фраер, он все видит». Кончил Игорь Станиславович весьма плачевно.

А пока мы активно работали по делу.

Для начала прокурор передал его к производству Лельчук, которая специализировалась в расследовании убийств. Затем его распоряжением была создана оперативно-следственная группа, которую курировал сам Касяненко.

Раскрыть преступление «по горячим следам» не удалось, однако спустя месяц месяц оперативники вышли на предполагаемого убийцу.

Им оказался некий Малярчук, периодически не работавший и живший на подачки сердобольных старух, в том числе и Троян. Временами он оказывал ей помощь в быту и был частым

гостем в доме верующей, которая в меру сил пыталась приобщить Малярчука к богу. Сразу же после убийства он исчез из поселка и, как было установлено, с довольно крупной суммой денег. После задержания долго не отпирался и признался в убийстве Троян из корысти.

Поскольку прямых доказательств вины Малярчука не было, его сразу же допросил лично прокурор, а затем подозреваемого вывезли на место происшествия, где он уверенно воспроизвел событие совершенного им преступления, что было зафиксировано на фото пленку. Хотя все доказательства были косвенными, мы не сомневались в виновности этого типа, в связи с чем он был арестован, а после завершения следствия, предан суду. Тот же посчитал улики недостаточными, вернув дело на доследование.

Возмущенная община обратилась с жалобой в горком.

Вняв требованиям верующих, Юрий Павлович вызвал «на ковер» прокурора с начальником милиции и устроил им разнос. А заодно приказал разобраться и с имеющимися в городе притонами.

Последнее, к слову, было справедливо, поскольку таких «блатхат» у нас действительно было не мало, как, впрочем, и в других республиках. Однако – невыполнимо, поскольку существовавшая в ту пору норма уголовного права, определяющая ответственность за это преступление, была «мертво рожденной» и практически не работала.

Доведенных до суда таких уголовных дел, по стране насчитывались единицы.

Юрий Павлович знал, куда ударить. Не иначе, кто-то подсказал.

Пока Касяненко с Ляшенко организовывали дополнительное расследование громкого убийства, я, по его указанию, был брошен на борьбу с притонами.

По злему року, наверное еще со времен Вышинского, общий надзор был «во всех бочках затычкой». И если осуществлявшие другие его виды помощники жили довольно спокойно, то общенадзорники вертелись как белка в колесе. Не зря его тогда называли на ведомственном жаргоне «огульный нагляд».

Внимательно изучив приснопамятную норму, комментарии к ней, все имеющиеся «Следственные практики» и разъяснения Пленума Верховного суда по этому вопросу, я понял, что без помощи не обойтись и направился к своему наставнику Савицкому.

Богохульствуя, как обычно, он спорил в кабинете с Кружилиным по формуле обвинения, поступившего к нему на изучение милицейского дела. Истина у них почему-то не рождалась, и оппоненты здорово орали. Здесь же находился начальник следственного отделения ГОВД подполковник Бондарь. Минут через десять стороны все-таки пришли к консенсусу, и я изложил свой вопрос.

– М-да, – пробурчал Савицкий, – вытирая платком лысину, – последний раз я встречался с таким делом в суде лет десять назад, и то мы его вернули на доследование. Помнишь, Николай Иванович, в Славяносербске? Ты еще следователем тогда был.

Кружилин молча кивает, глубоко затягиваясь беломориной и приходя в себя после бурных дебатов.

– Мертвая статья и недоказуемый состав, – констатирует Бондарь, – а в связи с чем вопрос?

– Тебе Ляшенко разве еще не передал указание Первого – пересажать всех шалманщиков?* – шуруется от дыма Кружилин.

– Н-нет, – делает большие глаза начальник следствия.

– Значит, с перепугу забыл. Мы, видишь, уже трудимся, а вы ни хрена не знаете. Плахотченко верно говорит, – не милиция вы, а раздолбаи, – хитро шуруется Николай Иванович.

– Ну, так уж и раздолбаи, – обижается Бондарь, – сейчас приеду и все у шефа узнаю. Только если этот действительно так, то нам труба. Пару – тройку дел, может и возбудим, но в суде они не пройдут, развалятся.

– И знает же гад, как нас раком поставить! – внезапно ярится Илья Савельевич. – Ты Валера не тушуйся, согласуй с шефом и дуй в область, к Троценко. Он этим вопросом одно время занимался, я точно знаю. Заодно и к Лившицу с Коганом зайдешь, глядишь, они что-нибудь подскажут.

Иду к Касяненко. Тот соглашается с этим предложением и даже выделяет свою машину. Я рад, все не на «перекладных» добираться. Созваниваюсь с Иваном Артемовичем и излагаю суть дела.

– Приезжайте, я буду на месте, – коротко отвечает он.

Наш водитель, как обычно, драит свою «ласточку».

Побурчав с минуту, что машину новый шеф гоняет и в хвост и в гриву, он переоблачается в чистое, и мы отбываем в Ворошиловград. Ездить туда Иван, кстати, любит, поскольку дружен с завхозом и регулярно обыгрывает в очко* водителей высокого начальства.

Кабинет Троценко на втором этаже. Как всегда, на столе у Ивана Артемовича гора дел и непрерывно звонящий телефон, по которому он дает короткие и толковые разъяснения обращающимся с мест прокурорам или их поощникам. Здесь же несколько сотрудников отдела, боготворящие своего шефа. И есть за что. Он высоко классный правовед и работающий начальник. Не только руководит, но и выполняет львиную долю работы подразделения. Что большая редкость.

– Я просмотрел все, что касается вопросов борьбы с притонами, – сообщает мне Троценко.

– Нормативная база по этому вопросу весьма скудна. Уголовная норма, как вы знаете, не работает, а цивилистика к притонам имеет такое же отношение как грешник к раю. Впрочем, одна интересная зацепка есть.

В Гражданском кодексе существует норма, предусматривающая выселение из жилья за невозможность совместного проживания. В практике применяется она крайне редко и, как правило, по искам супругов друг к другу. Одно время ставился вопрос об использовании ее в борьбе с притонами, я было начал готовить методичку, но он был снят с повестки. Между тем, норма очень интересная, нужен только механизм ее применения. Вот и все. Вы молоды, позанимайтесь этим. Тем более, что судя по отчетам, исковая работа у вас идет неплохо. Иски ведь готовите вы?

– Да, по результатам надзорных проверок.

– Кстати, мы разработали серьезное методическое пособие об организации исковой работы в горрайпрокуратурах. Скоро его разошлем. Вам дарю один экземпляр сейчас. (Вручает мне в сотню страниц издание))

– Спасибо Иван Артемович.

– Этим не отделаетесь, жду от вас результатов, – то ли в шутку, то ли в серьез говорит он. – Что будет непонятно, – звоните в любое время. Мне или заму.

По дороге домой листаю работу. В ней методички по подготовке и предъявлению самых различных исков по возмещению государству ущерба (сейчас вреда) от бесхозяйственности и различного рода правонарушений. В том числе хищений, приписок, выпуска брака и простоя вагонов. Именно то, чего мне не хватало для реализации целого ряда проверок. Причем изложено все достаточно просто, ясно и мотивировано. Имеется и раздел с формами всех исковых заявлений. Ай да Иван Артемович!

Впоследствии это пособие много лет служило мне верой и правдой, пополняясь все новыми дополнениями

Доложив Касяненко о результатах поездки, в тот же день я засиделся в прокуратуре допоздна, изучая подарок и определяя наши возможности по его реализации. А они имелись.

Еще при Веденееве, с его легкой руки, у меня установились неплохие отношения с начальником юридического отдела «Первомайскугля» Резвой. При ее содействии мы стали

регулярно получать копии всех актов ревизий финансово – хозяйственной деятельности шахт и управлений, которые по существующим тогда канонам проводились КРУ* объединения в конце каждого отчетного периода.

Аналогичные документы поступали в прокуратуру и из соответствующего отдела горисполкома, ревизовавшего все остальные хозяйствующие субъекты. Фактуры для предъявления исков в них было достаточно. Причем именно по позициям, указанным в пособии.

На следующее утро, согласовав с Касяненко, начинаю подготовку необходимых материалов, и в течение недели в суд направляются первые два десятка исков.

Ответчиками по ним выступают руководители и главные бухгалтеры ряда городских предприятий. Суммарная цена исков составляет порядка 70 тысяч рублей (в то время не мало) которые мы надеемся вернуть в государственную казну.

В это же время, взяв за основу пособие Троценко, пытаюсь разработать методику по борьбе с притонами. Не получается. Зато милиция уже подсуетилась и по указанию прокурора возбудила два таких дела.

Между тем, наши иски назначаются к слушанию, рассматриваются и удовлетворяются судом в полном объеме. Все это происходит не без участия Ильи Савельевича, который в очень хороших отношениях с председателем суда Чижиченко.

Действуя по принципу «куй железо, не отходя от кассы», готовлю и направляю в суд вторую партию таких же исков. Среди хозяйственников поднимается вой и они жалуются на нас в горком партии.

Плахотченко вызывает прокурора «на ковер» и учиняет разнос, требуя отозвать еще не рассмотренные дела. Владимир Павлович отказывается. Такую же позицию занимает и вызванный в горком председатель суда. Еще через несколько дней происходит очередная «разборка», но вместе с Касяненко на нее вытаскивают Ляшенко.

На этот раз Юрий Павлович требует прекратить возбужденное по линии ОБХСС дело о приписках и хищениях на шахте имени Менжинского.

Как именно происходил разговор, мы не знаем, но в прокуратуру Касяненко вернулся взбешенный и мы впервые услышали от него ненормативную лексику. На следующее утро прокурор выехал в область и, как полагается в таких случаях, поставил в известность о создавшейся ситуации Зимарина.

Так же, по своей линии, поступил и начальник ГОВД

Началась вторая междуусобица. И снова не на равных.

Как мы потом узнали, при назначении на должность, Плахотченко получил «индულгенцию» от обкома на подавление «инакомыслящих» в лице прокуратуры, милиции и суда. И была она от самого Первого секретаря обкома товарища Гончаренко, по кличке «БТ»*, который спал и видел себя в кресле секретаря ЦК в Киеве. А какое может быть кресло, если твои ставленники взяточники и хапуги? Тут и самому можно попасть под раздачу.

Вот он и решил осадить нас. И правильно решил, ибо по себе знал, что жирует партийно-советская элита «по черному», безнаказанно. Ставить же ее на место вправе только Партия, но не ее слуги, тем более второго сорта – прокуратура и милиция. КГБ ведь молчит? Значит все путем, а вы занимайтесь пролетариями, на то и поставлены.

Как я потом узнал из достоверных источников, межрайонный отдел КГБ в Первомайске, достаточно хорошо был осведомлен о художествах партийной элиты в нашем городе. Однако чекисты не считали нужным ввязываться в свалку и наблюдали за развитием событий из тени.

Методику я все-таки придумал, или, как говорят по научному, разработал. И не потому, что был таким умным, а из принципа. Умным был юрист, который как в той сказке, подсказал Плахотченко, что поручить «Ивану-дураку», чтоб он сломал себе шею.

К слову, к тому времени возбужденные милицией уголовные дела по притонам «приказали долго жить». Не хватало доказательной базы. А вот по моей методике хватало. Причем

сделал я ее по принципу разработки, как учили в ВКШ, с элементами хитрой защиты, не позволяющей даже заинтересованному судье отказать в иске.

Кстати, в начале даже мои коллеги, включая прокурора, отнеслись к ней скептически.

– Не пойдет, – заявил Касяненко, – это ж какая-то оперативщина, а не методика, ведь так, Николай Иванович? Кружилин соглашается. Этому же мнения придерживается и наш цивилист Пролыгина. Спасает положение Савицкий.

– А я думаю, пойдет! Иски по бесхозяйственности у нас тоже не шли, а сейчас вон как директора взвыли. Тем более, что вам Владимир Павлович, по притонам в горком что-то надо докладывать.

Это все и решило.

– Иски будем готовить и заявлять, – решает Касяненко. – Помощь вам нужна?

– Да – отвечаю, по линии службы участковых инспекторов.

– Николай Иванович, организуете?

– Нет вопросов.

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается...»

У нас получилось наоборот. Кружилин настолько замордовал участковых, которым я под запись разъяснил порядок их действий, что те в течение недели оформили и притащили в прокуратуру все необходимые документы в отношении двух десятков притоносодержателей.

Я все изучил (некоторые заставил переделать), подготовил необходимые заявления и после подписания прокурором, канцелярия направила материалы суд.

Вопреки мнению коллег, рассмотренные с участием Пролыгиной, все они были удовлетворены и обращены к исполнению.

Содержатели притонов – в прошлом ранее судимые, пьяницы и тунеядцы, были выселены из государственных квартир без предоставления другого жилья. Касяненко было что докладывать горкому

Но Плахотченко уже было не до этого. Противостояние с каждым днем обострялось. Ляшенко и Касатонов обратились с жалобами на него в ЦК КПСС. В город зачастили разного рода комиссии. Но, как ни странно, проверять они стали не деятельность Юрия Павловича, а работу ГОВД.

По этому поводу, 12 ноября 1985 года, в центральной прессе, а именно, в газете «Правда» была опубликована статья «Столкновение», которая наглядно иллюстрирует всю картину. Привожу ее дословно

«Принять коммуниста Касатонина первый секретарь Первомайского горкома партии Плахотченко отказался.

– Сегодня буду у вас, там и поговорим, – сказал он.

Но говорить с капитаном Касатоновым – начальником отделения по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) Юрий Павлович, определенно, не желал. Днем раньше он уже потребовал от начальника городского отдела милиции подполковника Ляшенко написать приказ об освобождении капитана от должности.

Позднее в объяснительной записке для Ворошиловградского обкома партии Плахотченко признал: «Считаю себя виновным, что в резкой форме потребовал от Ляшенко ускорить решение вопроса о Касатонине...» Добавлю, что раскаяние пришло лишь после обращения Касатонина в ЦК КПСС. А в тот день, в октябре прошлого года, после беседы с руководителями горотдела милиции Юрий Павлович действительно встретился с работниками ОБХСС, но никаких угрызений совести еще не испытывал. В отсутствие капитана Касатонина, который не был приглашен на «разговор», он заявил, его подчиненным, что вопрос об их начальнике уже решен и решен однозначно.

В чем же провинился Касатонов?

Два года назад работники ОБХСС и прокуратуры разоблачили группу расхитителей. Шайка воров, которую возглавлял бывший директор комбината бытового обслуживания Разин, длительное время занималась кражей народного добра в особо крупных размерах. Расследование показало также, что к хищениям оказались причастными бывшие первый секретарь Первомайского горкома партии Мозалев и председатель горисполкома Ерыгин. Воры щедро одаривали их краденными со склада предприятия ценностями – тканями, кожей, парфюмерными изделиями... «Как установлено материалами дела, говорится в документах областной прокуратуры, – Мозалев с Ерыгиным допустили злоупотребление служебным положением, за что предусмотрена уголовная ответственность».

Казалось бы, тут не может быть двух мнений – эти люди должны отвечать по всей строгости закона. И уж, конечно, в партии таким не место. Но в Ворошиловградском обкоме партии решили иначе. Обсудив персональные дела Мозалева и Ерыгина, бюро обкома ограничилось вынесением им партийных взысканий. Правда отдельные члены бюро предлагали исключить их из партии в соответствии с требованиями Устава. Но верх взяла иная точка зрения, которую отстаивал председательствующий на заседании бюро второй секретарь обкома Зверев. Замечу, кстати, что Рид Петрович отвечает в обкоме за работу административно-правовых органов.

– Мы не располагали, – заявляет Зверев, – достаточными доказательствами виновности Мозалева и Ерыгина...

Странное заявление. Что же секретарь обкома не доверяет милиции? Получается, что не доверяет. А как быть с мнением бывшего прокурора области Зимарина? В письме на имя первого секретаря Ворошиловградского обкома партии Гончаренко, а также личных беседах с секретарями обкома он настойчиво добивался предания суду Мозалева с Ерыгиным. Но обком взял на себя не свойственные ему функции и не советовал прокуратуре проводить следствие по их делу. Более того, Зимарин вскоре был переведен на работу в другую область...

Уголовное дело в отношении Мозалева и Ерыгина давно списано областной прокуратурой в архив. В обкоме партии мне также сообщили, что познакомиться с персональными делами этих коммунистов можно лишь с разрешения первого или второго секретаря комитета. Более того, теперь все чаще можно слышать, будто Мозалев с Ерыгиным безвинно пострадали от... «козней милиции». Не случайно тот же Мозалев на городской партийной конференции в декабре 1983 года был освобожден от должности не как скомпрометировавший себя руководитель, а... «в связи с переходом на другую работу». Он стал заместителем директора производственного объединения «Первомайскуголь».

Не случайно и вновь избранный первый секретарь горкома Плахотченко свой первый рабочий день начал с вызова к себе руководителей горотдела милиции. Конечно, Юрию Павловичу наследство досталось не из легких. Хронически отставала ведущая отрасль – угольная промышленность. А тут еще выяснилось, что прокуратурой, в дополнение к прежним «неприятностям», на одной из шахт вскрыты факты взяточничества, на другой – разбазаривания государственных средств, приписок. Опять «лишние» заботы? Закономерные действия органов правопорядка Плахотченко расценил как крючкотворство, попытки «совать палки в колеса».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.